УДК 327

Артём БАРЫНКИН

Николай МЕЖЕВИЧ

ГЕНЕЗИС ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛЬСКОМ ИСТОРИКО- ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья поступила в редакцию 08.10.2021

Аннотация. В исторической памяти польского народа глубокий след оставили события, связанные со Второй мировой войной. Тяжелейшим испытанием для Польской республики стало военное противоборство с гитлеровской Германией, обернувшееся потерей почти 40% национального богатства и около 6 млн человек. Вопрос об интерпретациях исторических событий в современном польском историко-политическом дискурсе имеет особое значение. Отраженный в учебной литературе, он не перестает быть менее важным, чем позиции, изложенные в академических журналах. Следует также учитывать современный статус Польской Республики, ее видимое стремление к самостоятельной линии в Европейском союзе. Все это актуализирует диалог даже в текущих предельно сложных условиях.

Ключевые слова: российско-польские отношения, историческая политика, Вторая мировая война, историческая память, учебники.

Международные отношения в Центрально-Восточной Европе, занимавшие особое место в мировой политике накануне и в начале Второй мировой войны, оставили современным исследователям целый ряд сложнейших дискуссионных тем, среди которых можно выделить следующие: Мюнхенский договор и его последствия, присоединение Тешинской Силезии к Польше, заключение Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом и подписание секретного дополнительного протокола, Польский поход Красной Армии (17 сентября 1939 г.), установление советской администрации в Западной Белоруссии и Западной Украине, судьбы польских граждан на территории СССР и др. В своей совокупности указан-

© **Барынкин Артём Владимирович** – к.и.н., доцент кафедры европейских исследований СПбГУ. **Адрес:** 191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, 8 подъезд. **E-mail:** avbarinkin@yandex.ru

© **Межевич Николай Маратович** – д.э.н., главный научный сотрудник Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3. **E-mail:** mez13@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62021178189>

ные события и их последствия до сегодняшнего дня вызывают острые споры в академических кругах, среди журналистов и политиков.

Взаимные упреки и использование исторической аргументации при выстраивании политики в отношении друг друга стали неотъемлемой чертой двусторонних отношений Москвы и Варшавы с самого начала 1990-х гг. Однако уже в новом веке под эту дискуссию была подведена научная основа, связанная с именами ведущих интеллектуалов Европы. Следует учитывать то, что обычное «оправдание» политики истории (конструирование нарративов для новых независимых государств) здесь не работает. Польша — одно из старейших государств Европы. Тем не менее, «историческое сознание все чаще ограничивается здесь пределами собственной нации, которая реконструирует и обновляет свои национальные мифы... В качестве примера можно привести Польшу, где национальные мифы по-прежнему культивируют роль жертвы. В отличие от Австрии польский жертвенный опыт имеет долгую историю и связан с давними традициями. Польшу называют “мессией народов”, что подчеркивает почти сакральный статус польской мартирологии» [Ассман, 2014: 165].

Попытки научного сообщества выстроить полноценный диалог, лишенный политического влияния, не увенчались успехом. Научные конференции, равно как и сама академическая полемика с участием польских и российских коллег, несут на себе глубокий отпечаток тенденциозности, а порой и взаимного неприятия. Причины тому, в первую очередь, следует искать в тех свойствах, которыми обладает сама историческая наука. В значительной мере для любого национального исторического мифа характерно выстраивание именно такого нарратива, который нивелирует противоположные точки зрения. Когда такой нарратив изложен в печатном или электронном формате и при этом «...расходится с очевидной и известной аудитории жизненной реальностью, то сомнению подвергается не он, а сама эта реальность, вплоть до объявления ее несуществующей» [Лотман, 1992: 368]. Искажения в освещении и оценках, а следовательно, и в восприятии исторического прошлого закономерно происходит тогда, когда своё внимание на коллективное восприятие национального прошлого обращают политические круги, создающие определенные формы исторического мировоззрения.

Историческая политика — явление многоуровневое и многосоставное. Формируя коллективную память о прошлом, она проникает во все ступени образования: в школах и университетах посредством обязательной учебной литературы, в исследовательской среде за счет системы распределения заказов и грантов. Неискушенный обыватель испытывает ее влияние в музеях, кинематографе, СМИ, на спортивных мероприятиях, посредством монументальной скульптуры, празднования юбилейных дат и т.д. Эффективно обоснованная и уже укорененная историческая политика находит средства защиты от критики. От изолированного публичного порицания других точек зрения до сложной системы нормативно-правовых актов. «В новой постмодернистской формуле история перестала быть упорядоченным хронологически и логически собранием фактов в виде конкретных исторических случаев, становясь нарративным авторским сплетением событий, которые существуют в качестве воспроизведенных и «продвигаемых», либо просто созданных из ничего внутри медийно-пропагандистского пространства» [Неизвестный геноцид, 2015: 28].

В институционализации исторической политики пальма первенства принадлежит странам Балтии, но Польша отстает ненамного. Еще в 1999 г. был основан Институт национальной памяти. На рубеже 2004-2005 гг. вместе с победой партии Качинских «Право и справедливость» в польском информационном пространстве о себе четко заявила т.н. «новая историческая политика». Ее создатели исходили из того, что «...уровень патриотизма в Польше слишком низок... Невежество и отсутствие исторической памяти не позволяют пробудить чувство единства нации» [Траба, 2009: 45]. Идеологи правящей партии, полагали, что до их появления в концептуальном отношении господствовала политика «национальной амнезии», к которой они относили и «политику жирной черты» первого «некоммунистического премьера», и лозунг «выберем будущее» А. Квасьневского, и самого А. Михника с его «Газетой выборчей» [Лькошина, 2015: 171].

В новых условиях Институт национальной памяти приобрел уникальный по своим функциям статус. Значительная группа польских интеллектуалов в тесном сотрудничестве с представителями действующей политической власти перенесла теорию в практическое измерение, создавая, в том числе, инструменты кадрового воздействия и борьбы с политическими оппонентами на различных уровнях государственной службы¹. Особенность исторической политики заключается в том, что она не ограничивается внутригосударственными потребностями правящей политической элиты. Развитая историческая политика создает определенный образ страны на международной арене. 26 июня 2017 г. Институт национальной памяти подписал соглашение о сотрудничестве с Министерством иностранных дел Польши. Оценивая перспективы сотрудничества, директор ИНП выразил благодарность за «...окончание политики пассивности и бездействия», подчеркнул, что «Европа часто не понимает нашего опыта, не знает нашей любви к свободе. Некоторые не знают даже того, что Вторая мировая война не началась в 1941 г. Мы должны покончить с политикой стыда»². Противопоставляя свою трактовку новейшей истории Польши позиции остальной Европе, сторонники польской исторической политики пытаются скорректировать образ страны в глазах мировой общественности.

Польская историческая политика проецируется на отношения с ближайшими соседями в Европе и создает тем самым больше осязаемое напряжение, нежели способствует выстраиванию полноценного диалога. Через всю новейшую историю отношений России и Польши красной линией проходят вопросы, касающиеся периода именно Второй мировой войны. Ещё в начале 1990-х гг. стало очевидно, что польская политическая элита предполагала строить отношения с Россией на принципах, которые были бы аналогичны германо-польскому примирению, за чем должно было следовать покаяние [Бухарин, 2014: 22].

В случае ФРГ апелляция к историческому прошлому использовалась для достижения определенных политических выгод. Так, в 2007 г. во время бурных деба-

¹См., например: Oświadczenie lustracyjne. URL: <https://ipn.gov.pl/pl/lustracja/oswiadczenia/24221,Oswiadczenie-lustracyjne-wzor-w-formacie-pdf.html> (дата обращения: 12.10.2021)

² Podpisano porozumienie między MSZ i IPN. „Musimy skończyć z polityką wstydu”. URL: <https://www.wprost.pl/historia/10062162/podpisano-porozumienie-miedzy-msz-i-ipn-musimy-skonczyc-z-polityka-wstydu.html> (дата обращения: 24.02.2021)

тов о пропорциях распределения голосов в Совете Европейского союза премьер Ярослав Качинский заявил: «Мы требуем только одного – чтобы нам вернули то, чего нас лишили. Если бы Польша не пережила 1939–1945 гг., была бы сегодня... государством с 66-миллионным населением»¹. Не обошлось и без выставления финансовых счетов: 1 сентября 2017 года политики партии ПиС потребовали взыскания репараций как с Германии, так и с России (по условиям Рижского мира)². Отдельные польские историки, чиновники и общественные активисты выступают за получение репараций с России как наследницы СССР за польский поход Красной Армии 17 сентября 1939 г.³

Список претензий и критики в адрес друг друга регулярно обновляется, робкие попытки научного сообщества прийти к пониманию и сближению в оценках прошлого прерываются волей политиков⁴. Последние на законодательном уровне закрепляют выгодные оценки прошлого, в том числе и на международном уровне. Польский Сейм 9 января 2020 г. принял закон против манипуляции фактами и искажения истории политиками Российской Федерации с целью дискредитации Польши и ухудшения двусторонних отношений, в котором было прямо указано на то, что «начало Второй мировой войны было вызвано двумя тоталитарными державами того времени: нацистской Германией и сталинским Советским Союзом»⁵. Во-

¹ Prezydent: osobiście nikogo nie obarczamy za wojnę URL: <https://wiadomosci.wp.pl/prezydent-osobiscie-nikogo-nie-obarczamy-za-wojne-6037086654337665a?amp=1> (дата обращения: 24.02.2021)

² В отношении России речь шла о выплатах по условиям Рижского мира. См.: Jaki o reparacjach: Rosjanie też powinni ponosić odpowiedzialność URL: <https://tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju,3/jaki-o-reparacjach-rosja-tez-powinna-poniesc-odpowiedzialnosc,769190.html> (дата обращения: 24.02.2021)

³ См.: Adamski Ł. Czy Polska powinna otrzymać reparacje od Rosji? URL: <https://www.rp.pl/Publicystyka/190919456-Czy-Polska-powinna-otrzymac-reparacje-od-Rosji.html> (дата обращения: 24.02.2021); Powinniśmy się domagać reparacji wojennych również od Rosji. Wywiad z Tadeuszem Pluzańskim URL: <https://gpcodzienne.pl/68743-powinnismy-sie-domagac-reparacji-wojennych-rowniez-od-rosji.html> (дата обращения: 24.02.2021); Petition to President Donald Trump for assisting Poland in obtaining war reparations from Germany and Russia. Created by C.K. on February 18, 2019 URL: <https://petitions.whitehouse.gov/petition/petition-president-donald-trump-assisting-poland-obtaining-war-reparations-germany-and-russia> (дата обращения: 24.02.2021); Kaczyński dla „Bilda”: Nie pogodzimy się z brakiem odszkodowań URL: <https://www.dw.com/pl/kaczyński-dla-bilda-nie-pogodzimy-się-z-brakiem-odszkodowań/a-52147628> (дата обращения: 25.05.2020)

⁴ Наиболее удачным примером сотрудничество российских и польских коллег-историков стала коллективная монография Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. Книга выдержала два издания и была представлена читателям также в 2017 г.

⁵ UCHWAŁA SEJMU RZECZYPOSPOLIT EJ POLSKIEJ z dnia 9 stycznia 2020 r. w sprawie wyrażenia sprzeciwu wobec manipulowania faktami i zakłamywania historii przez polityków Federacji Rosyjskiej w celu dyskredytowania Polski i pogarszania relacji rosyjsko-polskich URL: http://www.sejm.gov.pl/media9.nsf/files/MARA-BKTDSU/%24File/154_u.pdf. (дата обращения: 24.02.2021)

прос об ответственности за начало войны звучал и в 2019 г. в Европарламенте. По инициативе польских депутатов¹ 19 сентября того года была принята резолюция «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы»². В этом документе указывалось следующее: «23 августа 1939 г. ... оба тоталитарных режима разделили Европу и территории независимых государств на свои сферы интересов, что способствовало началу Второй мировой войны»³. Тональность резолюции вместе с доводами ее авторов поставили знак равенства между политикой Германии и Советского Союза накануне войны, разделив ответственность за ее начало между Берлином и Москвой.

В польской историографической традиции, в первую очередь, в трудах интеллектуалов-эмигрантов, такой подход культивировался долгие десятилетия за пределами ПНР. Вслед за падением социализма и приходом новых рыночных отношений ощутимые изменения в оценках событий прошлого произошли не только в СМИ, но и коснулись сферы среднего и высшего образования. Курс отечественной истории формирует у молодого поколения комплекс знаний об историческом прошлом страны, национальных взлетах и падениях, определяет место государства в мире, наделяет устойчивыми оценочными образами ближайших соседей, разделяя последних на «вековых» конкурентов и союзников. Как писал М. Ферро: «история в том виде, как ее рассказывают детям, да и взрослым, позволяет одновременно узнать и то, что общество думает о себе, и то, как изменяется его положение с течением времени. Нужно только не ограничиваться изучением школьных учебников, комиксов, а попытаться сопоставить их с постулатами современной науки» [Ферро, 1992: 25].

В Польше нет единого учебника истории, все они различаются в концептуальном и мировоззренческом отношении. Так, в 2006/2007 учебном году Министерством народного просвещения Республики Польша к использованию в лицеях был допущен список учебников, состоящий из 55 названий. Т. Мареш, проведя обширное исследование польских школьных учебников (период 1940–2000-х гг.), пришла к выводу о том, что современные пособия превратили сам СССР из «старшего брата» в нелюбимого соседа, сами школьные учебники стали источником стереотипных оценок, россияне (особенно политики), имевшие влияние на судьбу Польши и поляков, постоянно представляются в негативном свете. Общественные и государственные деятели упоминаются без имен, либо с ошибками: Аркадий Жданов, Андрей Стаханов. Не приходится ожидать и полноценного освещения шагов совет-

¹ Wspólny projekt rezolucji URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/RC-9-2019-0097_PL.html (дата обращения: 24.02.2021)

² Rezolucja Parlamentu Europejskiego z dnia 19 września 2019 r. w sprawie znaczenia europejskiej pamięci historycznej dla przyszłości Europy URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_PL.html (дата обращения: 24.02.2021)

³ Ibid. В английском тексте: «...which paved the way for the outbreak of the Second World War». См.: European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 24.02.2021)

ского руководства в преддверии Второй мировой войны. Например, в учебнике Й. Кохановского, П. Матусика авторы обошлись без упоминания в сведениях о пакте Риббентропа-Молотова [Мареш, 2008: 64, 76, 67].

Крупнейшее образовательное издательство с комплексным и современным подходом, охватывающим все предметы и этапы обучения, «Новая Эра» («Nowa Era») выпускает серию учебников «Вчера и сегодня» («Wczoraj i dziś»). «Трактат Риббентроп–Молотов» – так авторами назван Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом. Причины подписания данного соглашения примитивизированы и извращены до крайности: изначально союз с СССР хотели заключить Франция и Великобритания... Однако их предложения оказались недостаточными для коммунистического диктатора, который хотел территориальных приобретений» [Śniegocki, Zielińska, 2018: 266–267].

Из учебника для восьмого класса школьники узнают, что «Польша в 1930-х годах ...старалась проводить в отношении СССР и Германии политику равновесия и сохранения т.н. равноудалённости в контактах с двумя соседями». Вряд ли стоит после такой трактовки удивляться тому, что, избегая термина «агрессия», события 17 сентября 1939 г. определяются как «нападение на Польшу», а политика СССР в Восточной Европе в 1939–1941 не поддается подробному анализу и включена в раздел под названием «Захват Европы Гитлером и Сталиным». Показательно, что подраздел «зимняя война» начинается со слов: «в 1939–1941 г. СССР тесно сотрудничал с гитлеровской Германией и проводил политику экспансии». Причина войны видится авторами в стремлении «советов» отодвинуть границы и получить часть финской территории с существовавшими там укреплениями [Śniegocki, Zielińska, 2018: 15].

Уравнивая Сталина и Гитлера, советскую и германскую внешнеполитические позиции, авторы неизменно пользуются термином «советский» (sowiecki), который имеет в польском языке негативную коннотацию. Мелькающие перед глазами школьников название СССР – ZSRS (Związek Socjalistycznych Republik Sowietkich) не является официальным наименованием Советской Союза в польском языке, в официальных правовых актах и солидной части историографии используется нейтральное – «radziecki» (от слова «rada» – «совет», см. Związek Socjalistycznych Republik Radzieckich).

Представляя внешнюю политику Польши в начале 1920 гг., автор учебника истории для 8 класса Томаш Малковский доносит до читателей мысль о том, что их страна была в рассматриваемом периоде окружена врагами («Государство среди врагов» – название подраздела): разумеется, самую большую угрозу представляли Советский Союз и Германия. СССР хотел отторгнуть от Речи Посполитой т.н. «Восточные Кресы» [Małkowski, 2017: 212].

Равно как и в первом рассмотренном нами учебном пособии, политика Москвы накануне войны представлена таким образом, что она совершенно не стремилась предотвратить надвигающуюся войну. Сталин выступает одновременно диктатором и прихотливым торговцем: «в 1939 году и Запад, и Германия добивались расположения Сталина. Диктатор торговался одновременно с двумя сторонами. В конце концов, он пришел к выводу, что Гитлер предлагает больше» [Małkowski, 2017: 254]. Молодое поколение поляков, следовательно, видит перед своими глазами страну, лишенную в своих действиях на международной политической арене не

только стремления защищать национальные интересы, но и элементарной рациональности, целесообразности. «Примитивная» внешняя политика Москвы, таким образом, сводится лишь к одному фактору – «маниакальным» устремлениям И.В. Сталина.

Любопытно отметить, что оба рассмотренных пособия концептуально разнятся в вопросе освещения событий, связанных с Мюнхенским договором и присоединением Тешинской Силезии к Польше.

Обвиняя чехословацкую сторону в занятии польской части Тешинской Силезии в 1919 г., авторы пособия «Вчера и сегодня» убедительно доказывают, что власти Польши исходили в 1938 г. из того, что судьба Чехословакии уже была предрешена, а «...уступки в пользу немецкого меньшинства в Судетах *должны были также касаться поляков*». По мнению авторов, непосредственным поводом выдвижения ультиматума Праге было крайнее возмущение министра Ю. Бека тем фактом, что на конференцию в Мюнхене не был приглашен польский представитель, а «...столь высоко развитая в промышленном отношении и стратегически важная область будет занята Третьим рейхом». Авторы спешат оправдать действия властей: «решение о выдвижении ультиматума было суверенным и следовало из оценки актуальной ситуации». Текст снабжен также и графическим изображением: браво марширующим польским солдатам женщина вручает цветы, за процессом наблюдает толпа зевак. Внимание привлекает комментарий: «вступающие в Заользье польские войска *искренне приветствовались поляками*, заселявшими эти земли» [Klaczek, Łaskiewicz, Roszak, 2017: 264].

Значительно более контрастным по сравнению с учебником «Вчера и сегодня» выглядит раздел учебника Т. Малковского, посвященный присоединению Заользья. Автор, не выискивая обтекаемых формулировок, указывает: «Бек решил использовать агрессивные начинания Гитлера для достижения некоторых целей внешней политики Варшавы... 2 октября 1938 г. польские отряды заняли Заользье, утраченное в 1919 г. Несмотря на то, что польское население составляло на этой территории большинство, соучастие в гитлеровском грабеже земель южного соседа было *аморальным*. Это... свидетельствовало о полном отсутствии ориентации польских политиков относительно намерений Гитлера. Они не допускали того, что их страна должна была стать следующей жертвой Третьего рейха...». Снабжен раздел фотографическим изображением античешской манифестации, имевшей место в Варшаве в сентябре 1938. В центре снимка – транспарант «Организации силезских повстанцев» с лозунгом «Вернем Заольжанскую Силезию» (пол. – «Odbierzemy Śląsk Zaolżański») [Małkowski, 2017: 216].

Не меньший интерес вызывают академические учебники по истории Польши, а также переведенные пособия, направленные, в том числе, и на широкую русскоязычную аудиторию. Академический учебник Ежи Томашевского и Збигнева Ландау «Польша в Европе и мире в 1918–1939» был издан при финансовой поддержке Министерства национального образования и спорта. В заключительном разделе авторы подвергли глубокому анализу внешнюю политику молодого польского государства в годы между двумя мировыми войнами. Текст раздела выдержан в строго академическом стиле и представляет собой последовательное изложение становления и реализации внешнеполитических концепций польской элиты на фоне кризисных явлений в политической жизни Европы и мира в 1920–1930-х гг. Е. Тома-

шевский и З. Ландау не склонны преуменьшать роль советского фактора и абстрагироваться от того, что внешняя политика восточного соседа Польши трансформировалась, имела определенную внутреннюю динамику и логику. Действия польских лидеров на мировой сцене авторы склонны соизмерять с реальным экономическим потенциалом и политическим весом Второй Речи Посполитой, не выстраивая из последней образ невинной жертвы, волей судеб оказавшейся между двух огней в сентябре 1939 г.

В частности, авторы доводят до читателей мысль о том, что захват Заользья в 1938-м *не был следствием случайного стечения обстоятельств* – еще с 1934 г. при поддержке польского МИД и разведки в Тешинской Силезии была создана конспиративная организация, перед которой ставились диверсионные цели. Само присоединение Заользья стоило слишком дорого и стало причиной значительных политических потерь. С точки зрения авторов, «именно мираж великодержавности не позволил Беку разглядеть то, что судьбу Чехословакии может также разделить и Польша» [Tomaszewski, Landau, 2005: 322]. Сдержанно оценивается и договор о ненападении с Германией. Его подписание стало следствием нежелания западных держав брать на себя далекоидущие обязательства по отношению к СССР, но также и позиция Москвы – требование пропуска Красной Армии через территорию Польши было воспринято Варшавой критично (оно воспринималось как скрытое стремление присоединить *восточные рубежи, населенные украинцами и белорусами*) [Tomaszewski, Landau, 2005: 324].

Издаваемая с 1983 г. «Новейшая история Польши» Войцеха Рошковского (Анджея Альберта) афишируется издателями как получившая огромную популярность и не подвергшаяся внешней цензуре и самоцензуре. Вместе с тем расстановка акцентов и подача материала, затрагивающего события 1938–1939 гг., подводит читающего к мысли о том, что «польская дипломатия, вероятно, сделала все возможное, дабы защитить независимость Польши, однако судьба Речи Посполитой зависела от игр европейских держав, в которых Германия последовательно стремилась к войне, Англия и Франция неуверенно пытались этому противостоять, а СССР перевесил чашу весов в пользу Третьего рейха». Автор крайне осторожно оценивает польскую политику в отношении Чехословакии на фоне Судетского кризиса: «Бек холодно отнесся к Мюнхенскому соглашению... польское правительство, впрочем, прибегло к ультиматуму в адрес Праги». Политика Советского Союза в последние предвоенные годы, по мнению Рошковского, это – политика на два фронта, заигрывание со всеми великими европейскими державами с целью поиска более выгодного предложения по расширению собственных границ за счет Восточной Европы. Выбор, сделанный 23 августа 1939 г., состоялся только потому, что «Гитлер давал Москве значительно больше», а соседство с «...Третьим рейхом не страдало советского диктатора, впечатленного сиюминутной выгодой от соглашения с Гитлером» [Roszkowski, 2003: 365].

Аналогично и более прозрачно свои мысли выразили авторы учебного пособия «История Польши с древнейших времен до наших дней», изданного в 1995 г. Государственным издательством. А. Дыбковская, М. Жарын и Я. Жарын обошлись формулировкой: «В 1938 году части Войска Польского, воспользовавшись слабостью южного соседа, вступили в Заользье и вновь присоединили его ко Второй Речи Посполитой». Касательно Советского Союза также все совершенно очевидно:

накануне войны он вел «игру на два фронта, по принципу – кто больше даст». Да и в срыве т.н. Московских переговоров с англичанами и французами также виноват СССР: «Сталин пришел к выводу, что германские предложения Советскому Союзу выгоднее. На следующий день после срыва Советским Союзом переговоров...» министры Вячеслав Молотов и Иоахим фон Риббентроп подписали договор о ненападении. Само же соглашение «...развязывало Гитлеру руки для нападения на Польшу» [Дыбковская, Жарын, Жарын, 1995: 326, 267–268].

Продолжая разговор о польской исторической литературе, отметим, что в нашем случае приходится говорить не просто о некоторых тенденциях в историографии, а о том, что в Польше сложилась вполне определенная историографическая традиция в освещении вопросов Второй мировой войны и причин ее возникновения. Более того, сам период независимого существования Второй Речи Посполитой в исторической памяти поляков сакрален, следовательно, внимание историков к событиям 1918–1939 гг. было и есть особенным. Представляется возможным остановиться на некоторых работах наиболее авторитетных исследователей из Польши. Своими трудами авторы значительно оживили научную дискуссию. Основанные на фондах российских, польских и зарубежных архивов, их труды представляют живой интерес для современных российских историков и политологов.

В разделе «Происхождение Второй мировой войны» (в составе коллективной монографии «Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях») Славомир Дембский красной нитью проводит мысль о том, что главным отличием польской внешнеполитической линии от советской и/или германской было то, что Варшава стремилась, не опираясь ни на Германию, ни на Россию, сохранить самостоятельный характер своей политики, страхуясь в виде участия в укреплении Версальской системы». Удивительными на фоне таких оценок выглядят слова о Мюнхенском соглашении: «конференция в Мюнхене была последней удачной попыткой модифицировать Версальскую систему» [Дембский, 2010: 174, 176].

Из числа современных польских исследователей отдельного рассмотрения требуют труды Мариуша Волоса. В статье «Внешняя политика СССР в 1935–1939 гг.: некоторые соображения» им отстаивается мысль о том, что «внешняя политика СССР определялась, прежде всего, *национальными интересами*, а не идеологией или вопросами коллективной безопасности». Скрупулезно, без клишированных формулировок автор представляет собственное понимание того, как сталинская дипломатия отстаивала национальные интересы Советского Союза. М. Волос, опираясь на широкий диапазон источников, убеждает, что вплоть до 1941 г. И. Сталин не испытывал особенных негативных чувств к итальянскому фашизму или германскому нацизму с идеологической точки зрения. Куда более враждебный настрой он проецировал на «капиталистические» Лондон и Париж, стремившиеся направить агрессию Гитлера на восток, «не обращая внимания на смертельную угрозу для стран, находящихся между Третьим рейхом и СССР» [Волос, 2009: 167].

Несмотря на критическое видение и не всегда лестные оценки дипломатии Москвы, в указанных работах, принципиально разграничивается ответственность за начало войны. Отвечая на ключевой вопрос о возникновение войны, С. Дембский без колебаний возлагает ответственность на Германию – «государство и народ», поясняя, что «ответственность за развязывание войны в 1939 г. ни в коем случае

нельзя делить поровну между участниками пакта Риббентроп-Молотов. Гитлер хотел этой войны и стремился к ней. Сталин не намеревался спасти мир в Европе» [Дембский, 2010: 193]. М. Волос дает следующую оценку: «Ответственность за объявление и начало Второй мировой войны лежит на Третьем рейхе. В этом отношении роль СССР была второстепенной, хотя подписание пакта Молотова–Риббентропа сделало вооруженный конфликт практически неизбежным» [Волос, 2009: 174].

Выводы

На основании рассмотренных в нашей работе школьных учебников, академических пособий и ряда научных статей ведущих польских историков мы можем заключить, что данные тексты разнятся между собой в оценках, подходах, качеству и объему подаваемой информации о событиях, предопределивших начало и первые годы как самой войны, так и международных отношений в ЦВЕ. Польская историческая литература (в том числе дидактическая литература) не является монолитной.

Дискурс о Второй мировой войне, формируемый в польской общественно-политической среде, является относительно однородным. Резкие выпады отдельных политиков в адрес Советского Союза обслуживают сиюминутные интересы партийных групп, борющихся, как правило, за голоса консервативного электората. Требования о репарациях вряд ли когда-либо будут всерьез рассматриваться в Берлине или Москве. Они преследуют одну цель – оказание давления на ближайших соседей в надежде на получение краткосрочных политических выгод. Такое положение дел, по мнению профессора Варшавского университета С. Беленя, приводит к деформации национального интереса, который «...определяется как необходимость борьбы с историческими врагами, поджидающими в засаде польскую независимость и суверенитет» [Bieleń, 2016: 70].

Формируемая картина прошлого опасна для самой Польши. Укореняясь в умах молодого поколения, с течением времени она может превратиться в набор устойчивых стереотипов, существование которых с учетом развития современных информационных технологий продлится долгие годы, определяя, в том числе, облик страны и самих поляков на международной арене. За все большим ментальным противопоставлением России и Польши, сконструированное «историческое» противостояние которых уже сейчас воспринимается как явление естественного характера, будут следовать конфликты в политическом и экономическом измерениях.

Список литературы

- Bieleń S. (2016) Историческая память в польско-российских отношениях, *Stosunki międzynarodowe*. № 3 (t. 52). С. 65–80.
- Małkowski T. (2017) *Historia 7. Podręcznik dla klasy siódmej szkoły podstawowej*. Gdańskie wydawnictwo oświatowe. Gdańsk. 256 p.
- Roszkowski W. (2003) *Najnowsza historia Polski. 1914–1945*. Świat Książki. Warszawa, 2003. 685 p.
- Śniegocki R., Zielińska A. (2018) *Wczoraj i dziś. Podręcznik do historii dla klasy ósmej szkoły podstawowej*. Nowa Era. Kraków. 272 p.
- Tomaszewski J., Landau Z. (2005) *Polska w Europie i świecie. 1918–1939*. Warszawa. P. 336.
- Ассман А. (2014) *Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика*. Новое литературное обозрение. Москва. 323 с.

- Бухарин Н.И. (2014) *Россия – Польша: опыт двадцатилетних отношений: 90-е годы XX века – первое десятилетие XXI века*. Нестор-История. С.-Петербург. 203 с.
- Волос М. (2009) Внешняя политика СССР в 1935–1939 годах: некоторые соображения. *Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск*, с. 166–176.
- Дембский С. (2010) Происхождение Второй мировой войны. *Белые пятна – чёрные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях*. Аспект Пресс. Москва. с. 165–201.
- Дыбковска А., Жарын М., Жарын Я. (1995) *История Польши с древнейших времен до наших дней*. Научное издательство ПВН. Варшава, 1995. 361 с.
- Лотман Ю.М. (1992) *Литературная биография в историко-культурном контексте*. Лотман Ю. М. *Избранные статьи*. Т. 1. Александра. Таллин. 1992. 479 с.
- Лыкошина Л.С. (2015) «Историческая политика современной Польши» в контексте российско-польских отношений, *Славянский альманах*. № 1–2. с. 170–179.
- Мареш Т. (2008) Образ восточного соседа: история Руси, России и СССР в современных польских учебниках для средней школы, *Вестник РГГУ: история, филология, культурология, востоковедение*. № 4. с. 94–129.
- Неизвестный геноцид. Преступления украинских националистов на юго-восточном пограничье Польши, 1939–1946 гг. (2015). Фонд «Историческая память». Москва. 448 с.
- Траба Р. (2009) Польские споры об истории в XXI веке, *Pro et contra*. № 3–4 (46). с. 43–64.
- Ферро М. (1992) *Как рассказывают историю детям в разных странах мира*. Высшая школа. Москва. 350 с.

References

- Assman A. (2014) *Dlinny ten` proshlogo: memorial'naya kultura I istoricheskaya politika [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]*. Novoe literaturnoe obozrenie. Moscow. 323 p. (in Russian).
- Bieleń S. (2016) *Istoricheskaya pamyat` v polsko-rossiyskikh otnosheniyakh, Stosunki międzynarodowe*. No 3 (t. 52), pp. 65–80.
- Bukharin N.I. (2014) *Rossiya-Polsha: opyt dvadcatiletnikh otnosheniy: 90-e XX veka – pervoe desyatiletie XXI [Russia – Poland: the experience of twenty years of relations: the 90s of the XX century – the first decade of the XXI century]*. Nestor-Istoria, S.-Petersburg. 203 p. (in Russian).
- Chubar'yan A. (2009) *Falsifikatsiya istorii ili prosto drugoe mnenie, Vtoraya mirovaya vojna: istoriya bez kupiur [Falsifying history or just another opinion], Mezhdunarodnaya zhyzn. Special'nyy vypusk*. pp. 7–15.
- Dembski S. (2010) *Proiskhozhdenie Vtoroy mirovoy vojny [Genesis of the World War II]. Belie pyatna – chernie pyatna: Slozhnye voprosy v ossiysko-polskikh otnosheniyakh*. Aspekt Press. Moscow, pp. 165–201. (in Russian).
- Dybkwowska A., Zaryn M, Zaryn Ya. (1995) *Istoriya Polshi s drevneyshikh vremyon do nashykh dnei [History of Poland from ancient times to the present day]*. Nauchnoe izdatel'stvo PVN. Varshava. 361 p.
- Ferro M. (1992) *Kak rasskazivut istoriu detyam v raznykh stranakh mira [Telling the history to children around the world]*. Vyshaya shkola. Moscow. 350 p. (in Russian).
- Lotman U.M. (1992) *Literaturnaya biografiya v istoriko-kulturnom kontekste [Literary biography in a historical and cultural context]*. Lotman U.M. Izbrannye stat'i. Vol. 1. Aleksanra. Tallin. 479 p.
- Lykoshina L.S. (2015) “Istoricheskaya politika sovremennoy Polshi” v kontekste rossiysko-polskikh otnosheniy [“Historical policy of modern Poland” in the context of Russian-Polish relations], *Slavyanskiy al'manakh*. No 1–2, pp. 170–179. (in Russian).
- Małkowski T. (2017) *Historia 7. Podręcznik dla klasy siódmej szkoły podstawowej [History 7. Textbook for the seventh grade of the school]*. Gdańskie wydawnictwo oświatowe. Gdańsk. 256 p.
- Mareš T. (2008) *Obraz vostochnogo soseda: istoriya Rusi, Rossii i SSSR v sovremennykh polskikh uchebnikakh dlya sredney shkoly [The Image of the Eastern Neighbor: The History of Rus, Russia and the USSR in Modern Polish Textbooks for High School]*, *Vestnik RGGU: istoriya, filologiya, kulturologiya, vosto-kovedenie*. No 4, pp. 94–129. (in Russian).
- Neizvestnyy genocyd. Prestupleniya ukrainskikh nacionalistov na ugo-vostochnom pogranich'e Polshi, 1939–1946 gg. [Unknown genocide. Crimes of Ukrainian nationalists on the southeastern borderlands of Poland, 1939–1946], *Seriya “Vostochnaya Evropa. XX vek”*. Vypusk 8. Fond “Istoricheskaya pamyat’”. Moscow. 448 p. (in Russian).

Roszkowski W. (2003) *Najnowsza historia Polski. 1914–1945* [The modern history of Poland. 1914–1945]. Świat Książki. Warszawa. 685 p.

Śniegocki R., Zielińska A. (2018) *Wczoraj i dziś. Podręcznik do historii dla klasy ósmej szkoły podstawowej* [Yesterday and today. A history textbook for the eighth grade of primary school]. Nowa Era. Kraków. 272 p.

Traba R. (2009) Polskie spory o historię w XXI wieku [Polish history controversies in the 21st century], *Pro et contra*. No 3–4 (46), pp. 43–64.

Tomaszewski J., Landau Z. (2005) *Polska w Europie i świecie. 1918–1939*. Warszawa. P. 336.

Volos M. (2009) Vneshnyaya politika SSSR v 1935–1939 godakh: nekotorye soobrazheniya [Foreign policy of the USSR in 1935–1939: some considerations]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. Special'nyy vypusk, pp. 166–176.

Genesis of the Second World War in Contemporary Polish Historical and Political Discourse

Received 08.10.2021

Authors: Barynkin A., Candidate of Science (Historics), Associate Professor of the Department of European Studies. School of International Relations. Saint Petersburg State University, Russia. **Address:** 7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034. **E-mail:** avbarinkin@yandex.ru

Mezhevich N., Doctor of Science (Economics), Chief Researcher, Head of the Belarusian Research Center, the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (IE RAS). **Address:** 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** mez13@mail.ru

Abstract. The Second World War has undoubtedly left a deep scar on the historical memory of the Polish people. The hardest ordeal for the Polish Republic was the military confrontation with Nazi Germany, which resulted in the loss of statehood and the horrors of the German occupation regime. As a result of World War II, Poland lost almost 40% of its national wealth and about 6 million of its people. The issue of political interpretations of historical events in contemporary Polish historical and political discourse is of particular importance. Reflected in educational literature, it is no less important than the positions set out in academic journals. Yesterday's schoolboy and student today is a minister's assistant and an officer, tomorrow a minister and a general. At the same time, there is no certainty that they will again turn to systemic education. One should also take into account the current status of the Polish Republic, its fundamental economic achievements and the apparent desire for an independent line in the European Union. All this makes the dialogue actual even in the current extremely difficult conditions.

Keywords: Russian-Polish relations, historical policy, the Second World War, historical memory, textbooks.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62021178189>